

Лесной дедушка

Кузьмина Ольга

Ольга Кузьмина Лесной дедушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69668590

SelfPub; 2023

Аннотация

Лесной дедушка поёт колыбельную своему любимому внуку...
Смертную колыбельную.

Ольга Кузьмина

Лесной дедушка

"Жил-был Леший и было у него три дочери – две родные, а третья приёмш, из тех, кого люди подменёнками кличут. Всех трёх любил Леший одинаково. Старших отдал замуж за лесовиков, а младшей по сердцу человек пришёлся. Работающий оказался парень: дом построил, хозяйством обзавёлся, а уж потом пришёл свататься, как положено, честь по чести. Не стал Леший дочери перечить, согласился, хоть и знал, что не любят деревенские тех, кто в лесу вырос, а потом обратно вернулся. Зажили молодые душа в душу. А вскоре у них и сынок родился, Лешему любимый внучек..."

На этом месте Егорушка всегда радостно кричал:

– Это я, это про меня, да, дедушка?!

Леший кивал, усмехаясь в зелёные усы. К Егорке он всей душой прикипел, всем сердцем. Были у него и другие внуки – шустрые, смышлёные лесовички, все как на подбор. А вот поди ты, больше всего тянуло к человеческому мальчонке.

Почитай год не виделись, вырос небось. Прошлой весной Леший отправился погостить к старшим дочерям, да у второй и зазимовал. Муженёк её учудил, пристрастился в зернь играть. Соседу всех белок и зайцев из своих владений продул. Пришлось поучить уму-разуму – и его, и соседа заодно. Потом всю осень обратно зверей перегоняли.

Соскучился Леший по Егорке, зато подарок ко дню рождения припас – загляденье. Нож костяной, из оленьего рога вырезанный. Над лезвием Леший пошептал, чтобы не ломалось и не тупилось. А по рукояти плетёнку пустил из трав, птиц и зверей. С таким ножом Егорку в любом лесу как своего встретят. Семь лет внучку исполнилось, не младенец уже, пора учиться ведовским премудростям. Дар у Егорушки от рождения немалый, теперь главное уследить, чтобы не обернулся против него самого.

Шёл Леший неспешно, на ходу мастерил ножны из бересты для подарка. Старшие дочери с мужьями своими в дёбрях поселились, далеко от человеческого жилья. О том, что неладное у людей творится, Леший сообразил, только когда стали всё чаще и чаще попадаться ему по дороге оружные конники. Кто с красными флагами, кто с чёрными, а всё одно – шальные.

Заторопился Леший. В чужих лесах в полный рост не поднимаешься, одним махом через бурелом не перешагнёшь – неуважение это к местным лесовикам. Пришлось волком оборачиваться. Без сна и отдыха бежал, лапы до крови стёр.

Как в родном лесу оказался, сразу понял – беда случилась. Кинулся на опушку, на пригорок, откуда вся деревня видна. Зять дом свой на окраине поставил, до леса рукой подать. Леший замер, всмотрелся. Утро раннее, дома туман скрывает. Людей не видно, только пахнет страхом и кровью.

– Дедушка...

Леший крутанулся, сбрасывая звериный облик.

– Егорушка?!

Он стоял под раскидистой сосной. Бледный, только губы краснеют. Ноги босые грязные, рубашка на груди порвана, вся в бурых пятнах.

– Внучек... – Леший шагнул к нему, обнял. – Родной мой... Как же это? Кто посмел?!

– Они ночью налетели, – Егорка говорил сухо, как взрослый. – В деревне у них кто-то свой. Показали на нас, сказали, что богатые. Батя проснулся, успел двоих топором порешить. Застрелили его. Мамоньку бить стали. Я одного ко-чергой саданул, так мне руки выкрутили.

Он сглотнул, зябко поёжился. Леший скинул свой зипун, набросил на худые плечи.

– Потом меня ножом тыкали, чтоб она сказала, где деньги спрятаны. Я терпел, дедушка. Я правда терпел, как ты учил. Но так больно было... Мамонька кричала... Потом не помню. Уже под утро очнулся. Они меня в сених бросили, я замёрз совсем, как зимой. И такой голодный, словно неделю не ел. А кровь остановилась, и силы прибавились. Веришь?

– Верю.

– Их шестеро было, а я их всех убил. И кровь пил. Я упырь теперь, да?

– Ты ведь и сам знаешь, Егорушка.

– Тебе противно со мной?

– Ну что ты, – Леший погладил его по спине. – Я люблю

тебя, внучек. Ты прости меня, что не успел.

– Ты ведь не знал. А людей я не прощу. Батя всем помогал, если нужда была. И мамонька детей лечила. А они всё равно косились на нас, плевались за спиной. Я видел. И никто за нас не заступился! Никто!

– Боялись они.

– Пусть теперь меня боятся! Я их всех убью, ни одного человека в живых не оставлю, клянусь! Всю кровь выпью и стану сильным, как вампир в той книжке, которую батя из города привёз. И летать научусь. – Егорка раскинул в стороны тонкие руки. – Только я не хочу нетопырём оборачиваться, лучше филином. Буду с тобой лес охранять. Хорошо я придумал?

– Хорошо. Только ты не торопись, внучек. Отдохни сначала.

– Я думал, придется от солнца хорониться, а оно только жжётся малость, – Егорка потёр глаза и зевнул. – И спать хочется.

– Вот и спи.

Леший поднял внука на руки, понёс, укачивая.

– Баю-баюшки-баю, – забормотал он. Древние слова смертной колыбельной сами приходили на память:

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю.
С краю свалишься,

Переплачешься.
Придёт серенький волчок
И ухватит за бочок.
Он потащит во лесок
Под ракитовый кусток...

Люди поют такие колыбельные, чтобы отвести от младенцев своих смерть. Но хоть и есть в словах этих сила, да не всем помогает...

Егорка улыбался во сне. Леший брёл, растягивая тропинки, сам себя обманывая ради лишней минуты.

Во леске-то есть пенек,
Во пеньке-то очепок,
В очепке-то люлечка,
А в люлечке...

Леший остановился. Как ни кружи, а на заветную поляну выйдешь. В любом лесу такая есть – круглая, с вековой сосной или осиной в центре. Ежели человек в этот круг попадёт, обратно уже своей волей не выберется и для людей невидим станет. У Лешего на поляне осину в прошлом году бурей сломало, один пенёк остался. Возле него Леший и уложил Егорку. Пригладил ему вихры – мягкие, льняные. Скоро они поредеют, истончатся паутиной. Кожа высохнет, обтянет кости. И не станет Егорки, поползёт по лесным тропам

тварь безмозглая, упырь ненасытный, не помнящий ни себя, ни рода-племени, одной жаждой томимый. Так не бывать же этому.

– Спи, внучек, – Леший сжал голову Егорки в ладонях и резко повернул.

Хрустнули позвонки. Выгнулось тело, забилося с недетской силой. Леший завыл волком, застонал филином, зашипел полозом. Топнул так, что задрожали деревья. Живым копьём выметнулась из земли молодая осинка, пронзила Егорку – прямо в сердце. Зашевелились корешки, оплели тело, потянули в мягкую постель, прель лесную.

– Спи, внучек, – в третий раз повторил Леший. Тяжело опустился на колени, положил костяной нож возле осинки, погладил землю. – Я к тебе приходить буду, сказки рассказывать. А насчёт клятвы своей не тревожься. Я слово своё на себя беру.

Он поднялся, выпрямился в полный рост – головой вровень с самыми высокими соснами. В два шага оказался на опушке. В деревне мычала скотина, гремели подоюниками хозяйки, перекликались, как ни в чём не бывало. Только дом на окраине стоял тихий, мёртвый.

Леший уменьшился до роста человеческого, прошёл через огород, заглянул в незапертый хлев. Пусто. А ведь и лошадь была, и корова, и козы. По двору потерянно бродила курица. Леший толкнул дверь избы. В ноздришибанул запах крови. Егорка всем шестью разорвал горло, неумело,

как волчонок на первой охоте. Один налётчик ещё дышал. Обыкновенный парень, с такими же льняными, как у Егорки, волосами. Леший наступил ему на грудь, ломая рёбра, раздавил сердце.

В горнице долго стоял возле кровати, смотрел на истерзанное тело дочери – всё в синяках, с ожогами на животе, запёкшейся кровью между ног. Косы ей зачем-то отрезали.

"Не надо было отпускать тебя к людям, дочка. Не приняли они тебя, как ты ни старалась. Ведьмой за глаза называли. И вот чем закончилось..."

Леший отвернулся, прислушался. За печкой тихо плакал Домовой.

– Уходи, – приказал ему Леший. – Огня мне только добудь.

– Да как же это... – заскулил Домовой. – Не могу, не проси. Дом ведь, дом!

– Что твой дом без хозяйки? Она тебе хоть раз забывала молока налить? Пирогам одарить в праздник? Нет? Вот и делай, что говорю. В деревне своих предупреди. Скажи, что пропущу через лес – хоть пешком, хоть верхом. Седлайте собак, кошек, да хоть петухов, и убирайтесь в соседнюю деревню. На вас у меня зла нет.

– Всю-то деревню за что? Опомнись, Леший! Не по справедливости поступаешь!

– А люди ваши по справедливости живут? "Своя рубашка ближе к телу", – вот их закон! Так и мне Егорушка всего

ближе. Я его клятву – отомстить – на себя взял. Ежели не исполню, не будет ему доброго посмертия, останется непокоённым духом горе мыкать. Так что не мешай мне.

Всхлипывая, Домовой взобрался на печь, ухватил с загнетки горшочек с углями и опрокинул на сложенную внизу растопку. Сам завыл жалобно, метнулся в устье, прошуршал по трубе и исчез.

Леший подул на огонь. Сначала осторожно, чтобы только разгорелся, потом сильнее. Подкинул охапку дров. Огонь набрал силу, загудел, перекинулся на лавку, начал лизать стену. Леший распахнул оба окна, крутанулся на месте, взметнулся вихрем, втягивая огонь в себя. Не все знают, что лесной хозяин способен не только тушить пожары, но и раздувать. И счастливы те, кому не доведётся это узнать.

Из окон было слышно, как за деревней щёлкает кнутом пастух, выгоняя стадо на пастбище. Вот и хорошо, будет волкам пожива. Да и медведи подкормятся.

Огонь охватил уже весь дом.

"Прощай, дочка".

Леший вырвался через крышу огненным смерчем, помчался вокруг деревни, обводя её заклятой полосой чёрной гари – ни одному человеку не выйти. На выгоне перепуганная скотина ринулась к лесу, стоптав пастуха.

В деревне голосили бабы, ревели дети, кто-то колотил в било. Потом уже ничего не стало слышно за яростным треском. Огонь перебегал по заборам, поленницам, врывался в

овины, бани. Одна за другой занимались избы, трёхсаженным костром полыхнула церквушка. Смерч всё кружил, отбрасывая людей, пытающихся выбраться за чёрную полосу, — назад в огненное пекло.

"Выполню я твою клятву, внучек".

Наперерез смерчу кинулась обгоревшая, растрёпанная женщина со свёртком в руках. Закричала из последних сил, давась дымом:

– Забери его, Леший! Забери-и-и!..

Свёрток полетел через полосу гари, и, подхваченный невидимой рукой, мягко опустился на траву, подальше от смертельного жара. Смерч промчался мимо, подпалив женщине выбившиеся из-под платка волосы. Она вспыхнула факелом.

Когда солнце поднялось к полудню, деревня догорела дотла. Леший посидел на пригорке, обессиленно уронив голову на грудь, ни о чём не думая. Потом поднялся, подобрал свёрток. Внутри тихо посапывал младенец, меньше году от роду. Лешему и раньше случалось забирать детей, которых матери проклинали в сердцах или по глупости, в недобрый час, желали «чтоб тебя Леший забрал». Мать Егорки была из таких проклятых. Не принять мальчика нельзя, но нельзя и против клятвы пойти.

Ребятёнок открыл голубые глаза и забулькал, улыбаясь. Леший размотал с него льняные пелёнки, смял и забросил

на пожарище.

***

Вечерело, в лесу пробовали голоса первые варакушки. Леший опустил берестяной короб на землю возле молодой осинки, сел рядом. Тихонько позвал:

– Егорушка, внучек, покажись.

Из-под корней потянулся сизый дымок, закрутился маленьким вихрем и стал Егоркой.

– Дедушка! А я так хорошо спал. Ой... – он испуганно посмотрел на свои прозрачные руки. – А почему я такой?

Леший попытался ответить, но язык онемел.

– А, я понял, – Егорка шмыгнул носом, совсем как живой. – Это теперь навсегда?

– Ну что ты, – хрипло выговорил Леший. – Не бойся, только сорок дней, а потом заново родишься, кем пожелаешь. Хоть птицей, хоть зверем. Или вот, к примеру, деревом. Разве плохо дубком вырасти или клёном?

Егорка задумался, прикусив губу. Искоса глянул на Лешего.

– Я волком хочу стать, можно?

– Отчего же нельзя? Будем с тобой дозором лес обходить. Вот только волк – не самый умный зверь. Медведь-то посообразительнее будет.

– Не, он зимой спит.

– Зато живёт долго и сладкое любит, совсем как ты. Подо-

ждать, правда, придётся: медвежата зимой рождаются. Зато потом, как вырастешь, никто тебе страшен не будет.

Егорка бледно улыбнулся.

– Тогда медведем. А ты меня узнаешь?

– Конечно узнаю, внучек.

Егорка вздохнул.

– Дурак я был, да? Не бывает таких вампиров, как в книжке?

– Не бывает, – кивнул Леший. – Оно и к лучшему.

– А это кто?

Егорка подлетел поближе, заглянул в короб. Там, на подстилке из мягкого мха, спал маленький мальчик.

– Ой, я его помню. Его к нам приносили от лихорадки лечить. Смотри, он рожицы во сне корчит! Смешной какой...

– Егорка замялся. – Только как же теперь? Я ведь поклялся, что ни одного человека в деревне в живых не оставлю. А ты моё слово на себя взял, я хоть и спал, а слышал. Разве можно такую клятву нарушать?

– А мы и не нарушим. Я его древесным соком поить стану, зелёной кашей кормить. К осени настоящим лешачонком обернётся, вместе потом играть будете.

– Тогда ладно, – Егорка сел возле Лешего, невесомо прислонился к плечу. – Расскажи сказку, дедушка. Ту самую.

Леший откашлялся, подождал, пока перестанет сжиматься горло, и начал:

– Жил-был Леший, и было у него три дочери...